

Две судьбы — одна жизнь

Жизнь Лидии Константиновны и Михаила Никитича Карсаковых перепахана шрамами народной судьбы. Оба они имеют происхождение из русских деревень, чья печальная история предстаёт нам на Переславщине, как и всюду на нашей земле. Дочь своих родителей — Аркадьева Константина Алексеевича (д. Багримово) и Кулашкиной Евдокии Антоновны (д. Долгое поле) — Лида росла поначалу радостно и без больших забот. Её отец с первых советских лет на руководящей должности. Небольшой период работал в Переславском райисполкоме, а затем, в 1932 году, был переведён заведующим райзо в г. Александров (тогда Ивановской области). Четыре старших брата и младшая сестра.

В 1937 году арестовывают отца и по приговору скорого суда расстреливают в Ивановской тюрьме. В 1938 году тяжело заболевает и умирает мать. Их счастливые дети становятся сиротами, детьми «врага народа». Лиде только 13 лет. Начинается война. Братья уходят на фронт, Лида заканчивает педагогическое училище и направляется в начальную школу в одну из деревень. Чтобы не умереть с голоду, собирает с холодных весенних полей гнилую картошку («тошнотики»). И совсем погибла бы Лида (уже стали опухать ноги), да забрала её к себе в Берендеево тётя Дуня — сестра отца. Так навсегда и прижилась она в этом пропавшем торфом и железной дорогой посёлке, вымирающем сегодня, как и большинство русских областей. Впоследствии здесь же поселились старший брат и сестра.

Я медленно листаю дневник — обычный для того времени девичий дневник. Но нет в нём сломленного духа! Военные и довоенные песни, нежные посвящения подруг, шутки. Всюду видна вера в победу. И наконец, на всю страницу, со множеством восклицательных знаков: «Победа!» и «Ура!» Лишь на одной странице: «Ужасное настроение. Наши объявили войну Японии. Ничего не известно о братьях». Оставшиеся в живых братья собирались после войны у неё дома и гадали о судьбе своего отца. В то время не было точных свидетельств, адвокат обещал о замене «высшей меры» каким-то сроком, и даже был слух, что кто-то из вернувшихся заключённых видел отца в одном из лагерей. Поэтому, несмотря на то, что была получена справка о смерти (1937, причина смерти — прочерк), жила надежда — та, которая всегда умирает последней. И только совсем недавно, после того, как стал известен народу труд А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», в главе «Высшая мера» Лидия Константиновна прочитала: «Расстрелян был Константин Алексеевич Аркадьев, бывший заведующий александровского (Владимирская область) райзо. Прощание с ним почему-то прошло особенно тяжело. Среди ночи притопали за ним шесть человек охраны, резко торопили, а он, мягкий, воспитанный, долго вертел и мял шапку в руках, оттягивая момент ухода — ухода от последних земных людей. И когда говорил последнее „прощайте“, голоса почти совсем уже не было». Сомнений больше не оставалось.

В тот же период времени, только в другой деревне, родился и жил мальчик Миша. Родители его — Карсаков Никита Михайлович и Ведерникова Александра Максимовна — также были потомственными крестьянами, жителями д. Петровское. Обладал Миша одной особенностью: не любил суету мальчишеских драк, а всем сердцем был привязан к родной природе, к тенистому парку из лип и берёз, оставшемуся в память от помещика Красильникова, да ещё к книжкам и стихам. Впоследствии о родной деревне он напишет:

Я посетил село родное,
Моё любимое село,
Где детства время золотое
Ручьём весенним протекло.

Где я впервые научился
Ходить по матушке-земле,
Где в Русь, как в девушку, влюбился,
Где Муза улыбнулась мне.

Кайма зелёная опушки
Уходит в дымке за реку,
И голос радостный кукушкин
Звучит, как «здравствуйте»: ку-ку.

Вот здесь наш дом стоял когда-то,
И у раскрытого крыльца,
Когда я был в войну солдатом,
Ждала мать с фронта письмеца.

А вот и парк — воспоминаньям
Ещё тесней в груди моей.
О, сколько, сколько я мечтаньям
Здесь посвятил ночей и дней.

Здесь всё вдруг вспомнилось былое,
До боли душу теребя,
Прости меня, село родное,
Что я уехал от тебя.

Миша рано выучился читать и писать, благодаря чему был сразу принят во второй класс начальной школы. Самые тяжёлые воспоминания детства — «раскулачивание». Был выслан на Урал и там умер Филимон Петрович Фролов — родной брат его бабушки, к которому в д. Вёски он не раз ходил в гости вместе с отцом. До сих пор стоит перед его глазами и высылка из Петровского семьи крепкого крестьянина Кабанова Алексея Алексеевича: понурился, плача, медленно шли в неведомый путь. В Берендееве «кулаков» грузили в товарные вагоны. Многие запомнили, с каким отчаянием и слезами отплясывала частушку, провожая любимого, девушка: «Свою любовь я провожаю на Восток и долее. Его милые глаза не увижу более...» Попытались «раскулачить» и отца Миши. Шутка ли — три коровы, лошадь, молотилка на четверых. Спасла соломенная крыша — не вписывалась она в образ «кулака». Так затем и стояли испуганно русские избы под соломой, пока не выгорели совсем. А дом Кабановых стоит до сих пор... Кровавый след оставила в сердцах крестьян (а это в то время почти 70% русского населения) «коллективизация». Поэтому, наверное, его полуграмотная мать, узнав о смерти вождя, сказала просто: «Сталин сдох».

После окончания школы взяли Михаила за его способности в управление Берендеевского торфопредприятия. А тут и в армию пора идти. Ушёл он из родной деревни в 1939 году, а вернулся в 1946-ом. Вернулся весёлым, ни разу не раненным, при четырёх боевых орденах и трофеях. Повезло солдату! Смерть вырывала рядом друзей, а его обходила. В первую же бомбёжку погибает земляк — бомба угодила прямо в погреб, куда спряталась группа солдат. В тот же день он увидел разорванный живот лейтенанта, который был ещё жив и руками удерживал вылезавшие кишки. Запомнилась и бесшумная в тихой ночной степи смерть товарища, только что вышедшего из землянки, — шальная пуля попала ему прямо в сердце. И наезд в разведке на засаду, когда пулемётная очередь почти в упор насквозь прошла лошадь, не задев его ног, но та не упала тут же, подмяв седока, а вынесла всадника в горячих за хутор и рухнула только здесь. Был и упавший рядом, но не разорвавшийся снаряд. Высота, после которой в живых остались единицы. Плацдарм на Одере и, конечно, бой за Берлин. Наконец тиф. Когда доктор, придя в землянку и смерив температуру (больше 40!), внимательно посмотрел в глаза, спросил: «Как чувствуете себя?» — то лишь услышал: «Хо-ро-шо», — после чего упал солдат без сознания. Десять суток не приходил в себя. Выжил! Опять повезло.